

ЛІТЕРАТУРНА ВІТАЛЬНЯ

В.И. СИЛАНТЬЕВА,

*доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой зарубежной литературы
Одесского национального университета имени И.И. Мечникова*

СОМА ВЛАДИСЛАВА

От автора

Рассказ «Сомы Владислава» являет собой одну часть будущего романа под названием «Живем...». Замысел этого романа связан с желанием автора показать, как двадцать лет «излома сознания» формирует особый тип людей. Одни, растерявшись, не могут поладить с собой, и постепенно их раздвоение личности рождает монолитную особь жестокого и недостойного «героя нашего времени».

Другие боятся «не успеть» и приспособляются к требованиям несправедливого мира. Им легче зомбироваться, нежели утруждать себя размышлениями о сути происходящего. И тут не помогает ни образование, ни память о прошлом. Их мораль и поведение соответствуют чечеточному ритму «выслужусь-выслужусь-выслужусь...».

Третьи переживают юность и любовь в варианте «задворок». И даже если их совесть и честь не угасли, у этих молодых отобрали перспективу быть счастливыми.

Есть еще и мажоры, есть те, кто хочет хотя бы казаться мажором... А что же старшее поколение? В романе будут главы, посвященные их мучительным мыслям, жизни и не уходящим надеждам на лучшее. Сбудутся ли они? Об этом знают время и автор романа. –

Он шел, как бы вгрызаясь в толпу, прорезая ее ножом, который видел в руках мясников. Шел – ненавидя и презирая. Это чувство обволакивало тесной пеленой. «Манька Михелева», – злобно бормотнул он в сторону девчонки-выпускницы, которая пыталась освоить туфли на высокой «шпиляре». «Манька!» «Михелева!» Два очень распространенных имени – у славян Мария, у евреев Михель – объединившись, являли собой высшую степень злобы. Глубоко внутри пучилось и пузырилось что-то похожее на зловонную требуху. Ту, которую, морщась от голода, кусают и тащат за собой «подзаборные» кошки. Выброшенные на улицу точно так же, как и немые кишки. Мокрые, щедро обваланные в пыли и покрытые мухами-падальщицами. Жужжащими, жирными, с изумрудно-зеленым брюшком.

Его назвали Владиславом. Имя знаменитого вратаря хоккейной сборной Владислава Третьяка тогда было на слуху. Плохо образованная мать в своем провинциальном естестве не хотела отстать от моды. Рано родив сына, и, наблюдая одним глазом триумф советской сборной по телеку, она пророчила своему младенцу звездный путь. «В наше время все равны, и почему бы моему Владике не быть богатым и знаменитым?» – думалось ей. Напророчила. Он вошел в зрелый мужской возраст неспортивно-неповоротливым пузаном. Со своей философией, которая соответствовала новому времени. Его времени: вороватому и расхлябанному.

После окончания школы некуда было податься – серьезная учеба не вдохновляла и не давалась, нависла служба в армии. Но грозила в их сторону Чечня, и Влад затаился,

житейски сообразив: ну кто, кто в этом окраинно-камышовом краю станет всерьез его искать? Может и искали, но он умно перебежал из дома в дом своих родственников, а с весны до поздней осени отсиделся на островном огороде. Собирал клубнику, а потом вишни-яблоки, рыбачил, солил-вялил на жарком солнце рыбу. Какое-то время это его занимало, потом надоело. Мужская плоть взывала, а девки проживали свой молодой век в городе.

Однажды в серых сумерках он таки прыгнул в старенькую, давно не смоленную лодку и, сторожко загребая веслами-бабайками, поплыл сначала боковым гирлом, а потом выплыл и на ширину Дуная. Река неслась к морю неостановимо и закручивая водовороты, быстрина была грозной и не для слабаков. В сумерках и ночью меряться силой с этим зверем не решались, потому что знали: эта вода проглотит и не подавится – утопленников в их краях ежегодно считали десятками. Еще подростково худенький Владик сдюжил. И помнил об этом долго: нечаянная победа над могучим потоком давала силы выживать. С годами эта упрямая и неоглядная уверенность в себе только укреплялась.

Ему помогли сердобольные родственники. Выправив паспорт в нужном месте и за определенную сумму, сначала пристроили в морское профессиональное училище подальше от родных окраин, потом определили на патрульный катер вместо службы в войсках. Река все еще числилась пограничной, старенький сторожевой катер нес свою службу, и ему, патриарху, тоже полагался досмотр и уход. Моторист Влад свое дело если и не очень любил, то все-таки знал.

На берег отпускали изредка, да и что было делать днем и под ярким солнцем во вдруг захиревших селах-посадах? Разве что хвастаться полосатой тельняшкой в вырезе синей «семисезонной» рубахи? Развлекалово-сходняк по имени дискотека, теперь с обязательными «колесами» и выпивкой, которая не по карману «служивому», оставался за кормой – ну кто же даст увольнительную на всю ночь?

Но Владиславу достались и особые впечатления. Разгуляй-малина внедрилась тогда в жизнь высокопоставленных особ его приморского края. «Большое начальство» любило коротать выходные и праздничные дни на островах в дельтовом распадке. Особенно на одном из них, латинское имя которого со времен Овидия так и осталось на местных крупномасштабных картах. Теперь здесь развлекались, как в кино про «бандитский Петербург». И обязательно в сопровождении женщин – молодых, красивых и почему-то громко хохочущих. Одна из них, однажды оставшись «не у дел», посвятила Владика если и не в «мужья», то «в клевые пацаны». Еще юный мореход Владька какое-то время не мог поверить, что происходит у него с Машей почти в каждый ее приезд именуется двойным определением: «крутить динаму» и «молотить форшмак». И много лет спустя он помнил, как плакал, когда понял: это именно так.

Зато много ели, вернее, доедали. Допивать не давали, но младший корабельный состав все же исхитрялся. Некоторые – до морды в подушку, но Владька осторожничал, потому что помнил о паспорте. А вот с едой – это да: тут тебе и осетрина, и уха, которая к утру становилась холодцом под стать рождественскому. А еще икра черная, зачерпнутая столовой ложкой – все это было в полное горло и до икотки пережравших слонов. Или носорогов. Наверное вторых, потому что к сексуально-потаенному значению слова «рог» в этой компании давно привыкли. Очень молодые и привычно полуголодные служивые тогда еще не осознавали обобщенного значения слов «лизоблюдник-холуй-лизун». Некрасова им в школе уже не читали, потому что в стране постарались избавиться от старых программ и «учительницы-русачки», которая бы их предостерегла:

Люди холопского звания –
Сущие псы иногда...

Да, об этом Владислав еще не догадывался, на латаной-перелатанной посудине – розожевом кораблике в богом забытом окраинном краю – Некрасова да Омара Хайяма не знают. А жаль:

Лучше впасть в нищету, голодать или красть,
Чем в число блюдолизов презренных попасть,

Лучше кости глотать, чем прельститься страстям,
За столом у мерзавцев, имеющих власть.

Он сошел на берег чуть старше двадцати лет. Еще поджаро-худощавый, в меру застенчивый и молчаливый. Ему бы в спортивную секцию (Третьяк, не Третьяк, но железный стержень борца и трудяги был бы при нем). Да где их взять: что спорта, что серьезной работы в его новой стране уже не было. Самоутверждались в неблагозвучном острословии и по принципу «кто больше выпьет и сам домой дойдет». Влад, вспоминая спившегося отца, не злоупотреблял. А в острословии однажды решил посостязаться. Зашли в гости дядья и один из них, Василий, начал спрашивать о службе.

– Как теперь на флоте, Владька?

– Как в плавнях на болоте – по кочкам и со слегой наперевес. Удержишься, твое счастье, оступишься – пройдут, не оглянутся.

– Ты подумай, – дивился дядька, – вроде и недавно дело было, а у нас такого не было...

– Это где же?

– Я служил в Забайкальском военном округе. Не очень сытно – это да, но родину любить учили.

– Уставом и ремнем с офицерской пряжкой?

Василий сообразил, какой опыт его племянник вынес из сегодняшней нови, и быстро ответил:

– Успокойся, дедовщины не было.

– А что было? – все ярился служивый корабел-моторист.

– В моей таежной службе я понял главное: важнее мужской дружбы и вовремя подставленного плеча ничего и нет.

– Теперь по-другому, свое место каждый окучивает сам...

– Дурак ты, Владька, с таким уставом не прожить.

– Дядь, таежные уроки с урками и без них отрычали свое. Как бабки отшептали. Теперь другое время.

– Да в любом времени... – все пытался отстоять свою правду далеко не старый еще Василий. – В любом...

А кто б его слушал? Женщины, сообразив, чем этот спор может обернуться, позвали к столу. И усадили спорщиков по разные стороны длинной столешницы. Влад, хоть и было неловко перед старшими родственниками, решил, что правда на его стороне.

В заочную среднюю мореходку его опять же затолкали родственники. Причитала мать: «На что жить будем, сам знаешь, «плавники» зарабатывают больше...». Поправкой на психотип, который формируют дальние рейсы, не озаботились, выхода, и то правда, не было. Во Владиславе море не вызывало приподнятых чувств, привкус блевотины, рождаемой непрерывной качкой, преследовал его довольно долго. Потом пообвык, но роба в жирных пятнах машинной смазки, но «закирзованные» тавотом руки и постоянный шум в ушах от работающих механизмов, – все это не рождало радости дальних странствий. Сопутствующие профессии аксессуаров, которые рекламировали известные фирмы (наушники, заглушки, спецпорошки для стирки рабочей одежды), были не по карману. Ни новой его стране, ни самому третьеразрядному механику на ржавой в пятнах сурика посудине.

Ему помогли перейти на речной каботаж в техфлот. Грузовая самоходка, а попросту баржа с песком, гравием, иногда груженая лесом, стала его пристанищем на многие месяцы и даже годы. В служебных помещениях, размещенных на корме и над машинным отделением, носился запах отработанного масла. И даже если б кок Иваныч и постарался перебить его запахом кухни, все равно ему бы это не удалось. Скучный рацион разбавляли «приварком», и Владик быстро научился различать виды сплавных сетей: бредни, «американки», раколовки и лесковые одностенки скорым шагом вошли в его жизнь и стали природно-родными. А еще спасали виды за кормой – Дунай жил своей жизнью, и медленное его течение провоцировало такой же ритм перистальтики внутренних органов Влада. В об-

щем, жизнь не шла, не катилась, не рвалась в неведомую даль, она просто плыла и тянулась. Однообразно, с редкими проблесками светлых дней. Душа не звалá, она, угнездившись под робой, съезжилась. А, может, спала?

Он шел по городу, в котором учился, сдавал сессии и пытался «угнездиться». Влад хотел считать его своим и пробовал осознать: а город на это согласен? Он заходил в местные кафе-стоячки и довольно долго стоял у трехножки-стола. Пил немного, но много разглядывал. Любопытство? Да нет, он осваивался в новом для себя пространстве и пробовал его «на зуб». Все-таки жизнь должна проходить на суше, а не на воде, что он лягуха-амфибия, что ли?

Посетители были разными, но в дневные часы в основном сивоносими и мокроглазыми. Однажды один из них подкатился к Владу:

– Слышь, парень, поделись пивом...

– Допьешь, что ли?

– Не, не буду, я тебе не ёлза и не шныра...

Потом, пьяно задумавшись, добавил:

– Я – человек.

Что-то мутно повернулось внутри, и Владислав заорал. Что называется, «наотмашь»: «Пошел вон, чувырло!». Плюнул в высокую кружку с «недоливками-недопитками» и резко двинул ее к краю стола. Еще раз выругался. Выскочил из кафе-забегаловки. Его ломало и трясло.

Что это было? Может быть, впервые почувствовал всю низость своей второсортности и вынужденного холопства? Где ему было знать, как трудно отстаивали право быть людьми бывшие крепостные. Как, исходя кровью и болью, об этом писал не раз битый и униженный Алеша Пешков. Как, философствуя, кричал о своей человеческой природе ночлежник Сатин («Че-ло-век! Это – великолепно! Это звучит... гордо!»). Был в его, сатинском монологе, еще и крик о том, что человек может верить и не верить, молиться или не молиться – не в этом суть. Суть в том, что он *сам* платит за веру, за неверие, за любовь, за ум – потому что он свободен в своем выборе. В этом выборе пути состоит возможность заявить о себе и состояться: говорят же японцы, что жизнь каждого из нас измеряется той дорогой, которую мы проложили и которой шли в отпущенный нам земной срок. А что выбирает и выберет он, Владислав? Но, может, и хорошо то, что он пока не знал – одно из пафосных выступлений Сатина начиналось констатацией очень известного в окружении Влада факта: «Когда я пьян... мне все нравится. Н-да...». Неужели и его судьба, которую мать провидела в звездности и больших достижениях, должна была завершиться этим «н-да...» пьяного ночлежника из горьковской пьесы?

В какой-то момент своей «каботажности» Владислав начал понимать, что такому образу жизни противится даже его собственное тело. Нет, он не распускал себя, и спортивная выправка и подготовка, необходимые в его работе, еще были при нем. Но иногда и все чаще накатывало: было муторно жить от вахты до вахты; падать лицом в заеложенную подушку; делать вид, что спишь, но слышать матершинный бубнеж о политике и о бабах. Казалось, хочется вырваться из собственной оболочки, и только отстирав ее, выветрив и просушив на солнце, так и быть, влезть обратно. Каким-нибудь другим. Легким и с веселым пошвиством ветра в черепушке, с эпизодами-картинками, которые бы долго радовали воспоминаниями.

Он старался присмотреться к команде. Ладно, не к капитану, но к таким же, как сам, то есть к среднему звену. Видел: одни смирились и живут-дышат в неспешном ритме движения их корабля и как бы зависнув меж двух берегов. Другие глушат мозг бухлом и непристойностями. Третьи верят, что их жизнь вот-вот изменится, но как – неизвестно. И не знал мало живший и не прочитавший хороших книг Владик, что в «транзитные», то есть «проходные» и «малозначимые» для большой истории времена, всегда лишены высоких горизонтов, уже мытарилась человеческие души. Вспомнить бы ему, как в начале двадцатого века, чувствуя излом привычного уклада жизни и невозможность жить по-старому, то-

сковали чеховские сестры, и повторяла, повторяла старшая из них Ольга: «Если бы знать, если бы знать...». И мелодией несоответствия полнилась и запоминалась вся эта пьеса Чехова о какой-то непонятной и бездорожной жизни: «О, как играет музыка! Они уходят от нас... мы останемся одни...».

Однажды, выйдя из машинного отделения отдышаться на узкой палубе надстроечного блока, он оглянулся на близко проплывающий берег. Оглянулся не походя, как это делал часто, а всмотрелся. Пойменный луг, заросший рогозом, осокой и разнотравьем. Метелки и зонтики соцветий плавневого приречного пространства. Лозняк по кромке берега и небольшими куртинами вглубь панорамы. Цапля по колено в воде. Веселый гомон-пересвист в ветвях. Влад вдруг представил, как где-то рядом пережидает день ежик, как извилистой лентой, приподняв серо-желтую головку над водой, плывет в теплом ерике уж, как замерли и забились под бережком лягушки, завидев цаплю с ее «циркульными» ногами.

Небольшой табунок лошадей пасся на недалеком сухом взлобке. Вдруг, углядев нечто новое – баржу на дунайской стремнине – к реке метнулся жеребенок, а за ним бросилась мать-кобылица. Как все дети, выпучив глаза, малыш мчался к новой игрушке на большой воде, а перепуганная мать, зная, что в плавневой старице он может увязнуть и вывернуть колённые бабки сразу четырех ног, иго-го-гок-нув, понеслась за ним. Всполошился и табун, пронзительно и зло вскрикнул вожак. Еще миг, и тревога стала вязким воздухом пейзажа. Но, как-будто споткнувшись, остановился стригун. Повернулся, что-то поняв, бросился к родне. Правда, заметил Влад, на бегу постарался обойти мать. Видать, жизненный опыт уже был – вместо затрещины, принятой у людей, мама-лошадь могла укусить. Больно.

Что-то снова взметнулось в нем: «Но есть же, есть другой мир...»; «Живут же иначе...»; «И все там складно и давним законом укреплено...»; «Что ж я?...»; «И вот так и будет продолжаться?...»; «Всю жизнь?...». Он еще не знал, что однажды выбранной, но нелюбимой профессией он повязал себя крепкими путами. Нет, ему было неизвестно, что такое соматический разлад. Он не видел его начала и концов. Казалось бы, вот тебе житейская истина, известная многим, если не всем: «Хочешь накормить человека один раз – дай ему рыбу. Хочешь накормить его на всю жизнь – научи его рыбачить». Но мозг Владика не знал Конфуция и глубин философских истин. Он решил дилемму по-своему: «Женюсь...».

Собрав с десяток выходных, Влад сходил на берег. Помогал матери. С любопытством, но и с завистью поглядывал на вдруг «забуревших» знакомых. Оказалось, что в начале двадцать первого века в его родных небогатых краях богато живут только укравшие то, что еще недавно было общим, государственным и всенародным. Блудливые приватизаторы. «Троечники» и «двоечники» в прошлом. В нужный момент и в нужном месте они всегда умели «суетиться» лицом, спиной и задом. Теперь они доказывали себе и окружению: напрягаясь до предела, нет нужды возводить стапели на судоремонтном заводе; в жаркий июль не нужно топать на смену на пять утра; не стоит чистить трюмы рыбфлота от ржавчины и задыхаться – металлический хлам отошедшей страны можно выгодно продать. Весь и скопом.

Можно, конечно, жить по-другому, думал Владик. Но как? Его вариант – ходить по морям-океанам, плыть неизвестно куда, везти в трюмах неизвестно что и бояться контрабанды, полицейского надзора и хамства иностранных досматривающих, которые быстро учуяли легкую добычу. Но сколько, сколько трудяг-соплеменников уже оказалось в грязных и жарких застенках... И ради чего? Чтоб заработать чуть больше, чем на берегу, и привезти «оттуда» машину-трижды развалюху? И погордиться перед местными невестами? А как же, нос в щетине и он же по ветру? Ну, предположим, и это не для нас, но что же делать, что? Ответа не было, мозг советов не давал. Уснул, наверное.

«Наприседав» с огородами, заборами, общим ремонтом старого дома, жаркими летними ночами Влад все равно не мог уснуть. Ворочался в постели, вставал, пил из старой кружки. Выходил во двор. А там – под звездным небом кто-то стрекотал и сонно «угукал», пахло многоцветьем, молодым листом шелестела им самим посаженная яблоня. Да что ж это такое, где же, где его место?

С веселой Иринкой-картинкой он познакомился возле летней танцплощадки. Орала и гремела музыка. Редкие танцующие как бы нехотя извивались в центре танцпола. Тут же за несколькими столиками что-то допивали и громко переругивались показушно расхлябанные парни. Клубились сигаретно-цигарочные дымы. Огромные ясени, окружавшие танцдейство, явно понурили головы – ни тебе звезд, ни тишины как отголоска вечности.

Она стояла, как и он, не решаясь войти в громогласное пространство. Короткая юбочка. Красные «босолапки» на платформе. Прическа без особых затей. Макияж, не вызывающий оскомины.

– Как тебя зовут, может, уйдем отсюда?

– А пойдём, – откликнулась она.

– А я бы все-таки спросил: «Куда?»

– А куда? – снова аукнулась девчонка.

Оказалось, и пригласить-то некуда. Он живет с матерью, в поздних кафе-забегаловках сейчас обязательный мужской ор, соответствующие дымы и лица. Результат – они долго шли вдоль Дуная, веткой отмахиваясь от комаров. Запах близкой воды был молочно-свеж. Дальним отголоском звучала музыка на дискотеке. Отсюда она казалась даже приятной. Иринка рассказывала, перемежая свои истории смешком. О том, как учится в Педине и как «казёнит» первые пары, потому что выспаться в общежитии – неисполнимая мечта. Как меняется с девчонками нарядами, потому что «не укупишься». Как, забыв о фигуре, тянется перед сном за кусочком сахара – есть хочется всегда, а глюкозка помогает и выживать, и уснуть. А еще – видеть хорошие сны. «Какие?» – искренне любопытствовал Влад. И оказалось, что в своем, не прописанном логикой, мире они видят приблизительно одно и то же.

– Как будто выпрыгиваешь из чердачного окна, летишь, боишься, ноги тянутся к земле, понимаешь, что убьешься-сломаешься, а потом оказывается, ты уже над рекой. Широкой и в клубах тумана. И уже не страшно, кажется, что она – твое родное пристанище.

– Ага, – вдруг подтвердил Владислав, – только я прыгаю с какой-то мачты, боюсь не долететь и разбиться о бокса самоходки, тянусь ногами к воде, а потом классно и легко ныряю. В воду, как в молоко.

– И молодеешь на сто двадцать лет.

– Ага, только я не так стар, чтоб омолаживаться... Ну, и не Иванушка-дурачок...

– А кто, Иван-царевич?

– Нет, не царевич, не царевич, – вздохнул Влад, но ему было приятно: их двое, а говорят об одном. Их двое, а не нужно отмалчиваться, напрягаться, прятаться, уходить в себя.

В тот очень поздний вечер у какого-то забора они нашли вишневое дерево с уже созревшими ягодами. Рвали, высоко заноса руки и подтягивая ветки. Ладони и руки до локтей покрылись липким соком. Отмывались, спустившись к воде. Оглядывали друг друга как в зеркале. «Вот еще пятно, и здесь, и здесь», – говорила она. «А у тебя еще вот тут», – вторил он. Осмелев, поцеловал в изгиб локтя. Она не отстранилась, удержала руками его голову и ответно поцеловала куда-то в макушку. И от этого вовсе не девичьего поцелуя Владиславу стало тепло и радостно. «Где ты живешь?» – шепотом спросил он.

Они долго шли к ее дому по хлипким кладкам-мосткам на столбиках. Устав, усаживались на них же. Молчали. Со смешком говорили о повадках привычной дворовой живности: кошек, собак и желтых цыплят, похожих на бегающие одуванчики. «А пегашки на кого похожи?» – спросила она. «На тебя», – ответил он. «Как это?» – спросила она. «А они такие же молодые и писклявые», – ответил он. Она рассмеялась. Наверное, представила себя только что обсохшим цыпленком. Сереньким, в желтых подпалинах.

Они встречались оставшиеся дни этого отпуска и еще двух или трех «длинных выходных». В конце лета на свою каботаж-самоходку Владислав вернулся другим: нужно всерьез искать работу, сказал он себе. И добавил: такую, чтоб обеспечить не одного, а двоих. «Или троих», – подсказывал мозг.

К октябрю работа нашлась. Но не на берегу, где механики-мотористы снова оказались не нужны, а на старом сухогрузе, который вез руду в дальние страны и к южным широтам. Под индийским флагом. С разноязычным экипажем. В отчаянии подумалось: ну и что, хоть

с разговорами лезть не будут. А подумать бы тогда о другом. Хотя бы о том, что этот вояж будет длиться не день, не два, а, как минимум, три месяца. Безгололо и в тесном кубрике. В качестве самой дешевой рабсилы и в штормовой болтанке...

Он вернулся через полгода. Пережив и арест корабля, и липкую жару, от которой негде спрятаться, и жестко-металлический привкус воды, отфильтрованной через собственную майку. Их остановили на подходе к берегам Африки и потребовали идти в порт, не обозначенный в лоции. Выполняя приказ капитана, старший механик и его помощник Влад из машинного отделения не высовывались. Вышли, когда остановились на рейде в отдалении от портовых огней.

Влад глотнул ночной воздух и поднял голову к небу. Оно было влажно-тяжелым и чужим, незнакомые звезды и те вели себя не как дома. Не светили, не мерцали, а жирно освещали свое местоположение и как-будто быстро-быстро обмахивались невидимыми крыльями. Так в его родных широтах делают ночные бабочки, приближаясь к фонарю. «Видать, жарко и им, обмахиваются», – подумал Влад. И добавил уже ставшее для него привычным: «Зачем я здесь?»

Их отпустили, забрав груз в счет штрафа и не покусившись на сам сухогруз. Видно, после подробного осмотра решили, что возня с посудиною, построенной еще на советских стапелях, не стоит свеч. Изможденная команда, которую не баловали в помещении портовой тюрьмы, расплзлась кто куда. На судне, малым числом оставшихся обслуживая его, двинулись в обратный путь Владислав и такие, как он.

Конечно, ему хотелось заехать сначала к Ире. Найти в общежитии, обнять, окунуться в только ей свойственный запах и оставить эти проклятые полгода в далеком «вчера». Но, оглядев себя скептически – вымученно худого и с каким-то затравленным взглядом – подумал: «Нет, сначала домой, отмоюсь, приду в себя, переоденусь во все свежее, тогда – на автобус – и к ней. Дом встретил ранними апрельскими почками и запахом отдохнувшей земли. Уже появились синички. Осматривались, суетились, прыгали с ветки на землю и взлетали обратно. Весна диктовала свои права, сулила рассвет, а не умирающий закат, и Владу хотелось соответствовать.

После объятий и несвязных приветствий, всегда сопутствующих встрече, уже сидя за столом, он сказал веско: «Наверное, женюсь». И был обескуражен бурным отпором – мать категорически не приняла эту новость. Она не поздравляла, не говорила «давай подумаем», она причитала и кричала:

– Это на ком же еще?

– На Ирине...

– Нашел тоже, медички и училки нам не пара.

– Кому «нам» и это почему же?

– Твоя будет больше в школе, чем при тебе, будет сидеть с чужими детьми, а свои...

Тут она осеклась, но Владислав сначала и не заметил. Он все еще пытался утихомирить:

– Мама, мне скоро тридцать, и я сам буду решать, что мне делать. Слышишь, сам...

– Да? А ты спроси людей, чем эта Ирка занималась, пока тебя не было.

– Это у кого же спрашивать, у бабки Глаши и бабки Наташи?

Он засмеялся и попытался придать разговору шуточный тон. Представил, как отправится к старухам Глафире и Наталье о чем-то расспрашивать. Но тут его огорошили:

– А ты хоть знаешь, что она, сопля зеленая, аборт делала?

– ???

Пауза затягивалась, но хватило сил спросить:

– Мама, но тебе-то откуда это известно?

– Люди добрые донесли. А еще и посочувствовали: «А Владька-то, Владька за моря-ми-океанами... А она...»

Влад встал и, качнувшись, пошел вон из дома. Долго сидел возле старого сарая на корточках. Подумалось «надо бы подправить, развалится...». Подошла кошка и потерлась о

колени. Он взглянул на руки, сжатые в кулаки, в голове всплыло «мосластые». Вот как раз ими и хотелось кого-то ударить (или убить?)

В конце месяца он все же отправился к Ирине – видно сказывалась укорененная традиция являться гостем к Первомаю. Какое-то время стоял перед дверью ее студенческого дома. Хоть и старый, облупленно-серый, он выглядел все-таки предпразднично. Потому что унылый общий тон строения разбавили побеленными известкой бордюрами тротуара, такими же беленькими были стволы молодых и старых деревьев, которые в разное время высаживали студенты. Окна, большей частью вымытые, отсвечивали под утренним солнцем хорошо протертыми стеклами. «Наверное, она ушла на занятия», – с надеждой подумал Владислав. Он не знал, что сказать Ире и о чем ее спросить.

Заглянув в его документ, Владу разрешили подняться на четвертый этаж. Он постучал в ее дверь, мало на что надеясь. Постучал и неловко толкнул эту дверь. Она открылась и оказалась: на узкой кровати у окна лежит Ирина, отвернувшись к стенке. «Ира», – позвал Влад.

Последовавшую сцену он прокручивал в голове не раз. Даже не встав, а как-то неловко взлетев, она бросилась к нему. Прижалась. Уткнулась лицом в плечо и плакала, плакала, плакала. Уронив сумку на пол, Влад пытался взглянуть на нее и хоть что-то сказать. Наконец, оторвав от себя, усадил на стул. Заплаканная и некрасивая, она как-то взросло всматривалась в него и хрипло сказала только одно: «Где ж ты был, Владик?» «Далеко», – ответил он. И вдруг зло добавил: «А вот с кем и как была ты?»

То, что последовало за этим, Влад вспоминал потом как отрывки (или обрывки?) какого-то фильма. Она повторяла свое «где ты был – не писал – не звонил», а он сначала пытался объяснить и ответить, а потом взъерепенился: «Деньги зарабатывал, а вот с кем была ты?». И тут он увидел лицо с бровями-крыльями над вдруг потемневшими глазами. А крылья эти были как у той галки, которую он когда-то в детстве нашел в тупиковом проулке. Птица ковыляла и тащила за собой сломанное крыло. При его появлении как-то странно закричала и попыталась отбежать. Он набросил на нее шапку, поймал и понес домой. Ну и что? Не лечил и не вылечил: мать закричала «отнеси туда, где взял», и он отнес. И все. Только вот лицо Иры с двумя изломами крыльев-бровей мгновенно напомнили ему и ту, наверное съеденную котами-собаками, галку из детства, и заставили вздрогнуть: «Погиблю? Не помогу?».

Ира сидела на краешке кровати, а он, кружась в малом пространстве комнаты, наконец, прорычал и слово «аборт». И снова поразился: она, съежившись, вдруг стала похожей на дрожащего котенка-подзаборника, выброшенного чьей-то жестокой рукой. Та самая Иринка, с которой они рвали вишни и смотрели в небо, превратилась в худенького замурзанного мокроглазика, похожего на использованную ветошку. «И вот на ней я хотел жениться?» – мелькнуло в голове Влада. Он и не заметил, как это его желание оказалось в прошедшем времени.

И последнее. Он шагнул к двери и рванул ее. Она, подхватывая сумку и подталкивая ее к выходу, сказала хрипло: «Никого, кроме тебя у меня не было. И вдруг – ребенок. Мать ругалась. Боялись отца. Ты не писал и не звонил». И вскриком: «Уйди. Ради бога, уйди». Он и ушел. Где-то бродил. Что-то пил. Но сумку не терял. С той же, так и не распакованной, вернулся в свой предпраздничный и для кого-то вымытый город-посад.

Владислав женился тем же летом. На девушке Софье «из нормальной семьи». Нормальная – это если у отца отсутствует «синюхин нос», а за барышней дают приданое. В приданое дали дом. Новый, оставленный тетушкой, отошедшей в мир иной. Юная Соня, только что окончившая школу, смотрела на Владислава снизу вверх и, наверное, о чем-то мечтала. Мать настаивала, повторяя: «И покорливая, и по общежитиям на спину падать не будет». Влад, глядя в какое-то свое пространство, соглашался. Только потом, значительно позднее, посмотрев по телеку новую версию «Тихого Дона», он понял, что и женили его точно так же, как женили Григория на Наталье. Ну что ж, и в его краю живут если не дон-

ские казаки, то казаки-некрасовцы и тот вольный люд, перечить которому не стоит. А уж в домашности, – и подавно. И, потом, Иринка до Аксиньи не дотянула. Нет, не дотянула.

Соня:

– Владик, а тебе нравится, как я устроила спальню?

– Влад, давай весной землю перед домом засеем травой, будет газон. Представляешь, зеленая травка, а под окнами в несколько рядов тюльпаны, нарциссы и гиацинты... А с той стороны, напротив окон кухни и гостевой комнаты, посадим деревья: вишню, яблоню и, хочется, айву. Они будут цвести не одновременно, а по очереди, успеем насмотреться. Представляешь?

– Владик, а почему ты не говоришь, каким получился обед, разве невкусно и некрасиво? Смотри, какой разноцветный салат...

– А давай сходим в гости, у тебя же есть друзья? И к бывшим моим одноклассникам можно, не все же разъехались...

– Владик, не молчи, а то мне кажется, я в чем-то виновата...

Владислав:

– «Одноклассники» – сайт в интернете, вот им и пользуйся.

– Прогуляться? И охота тебе...

– Взять щенка? А, может, вместе с собакой? Вон живот растет, следи лучше за этим.

– В библиотеку? А кто теперь читает, перед кем умом блистать будешь?

– Скучно? Вот об этом не надо. Еще раз говорю: не надо.

Соня слушалась. Как мужа, как главу семьи. «Он старше, он умнее, он заботится о доме, он – не только муж, но и будущий отец моего будущего ребенка. Вон, лупцует ножкой изнутри...». Но почему же все чаще и чаще хочется плакать? Может, потому что беременна?

Одноклассники помнили ее не выскочкой, а спокойной и начитанной. Таких когда-то называли кроткими. Ее особой приметой был лучистый взгляд из-под пушистых ресниц. Она как-будто видела что-то свое, никому не известное. Ей бы поучиться, побыть среди ровесников, пойти в театр, в кино, на дискотеку и порадоваться. Чему? Ну, хотя бы солнцу, весеннему ветру, девичьим тайнам и первым свиданиям с неизменным кафе и мороженым в простенькой вазочке. Но после школьного выпускного такому житью противились родители. «В большом городе, а время вон какое...». «Учи-учи, плати из последнего, а потом куда?..». «Главное для девушки удачное замужество, а Владик...».

Период осознания себя в новой роли жены и, мечталось, жены любимой, прошел быстро. Она хотела быть веселой – не получалось; она пробежалась бы вдоль Дуная – ей не велели; она запела бы в унисон известному певцу – ее обрывали. Приходила мать Владислава. Тяжело усаживалась на стул. Роняла слова, похожие на гири:

– Не успели опомниться, а ты уже с животом. И про что только думали?

– Мама, но что ж в этом плохого?

– А вот поживи с мое... Да, а что такое у вас с кухонными занавесками?

– Это жалюзи, мама. Удобно: летом солнце яркое, повернул пластины – и рассеянный свет... Цвет беж, мягкий оттенок, легкий рисунок, разве некрасиво?

– Летом... Зима скоро, а ей «летом». Говорю тебе: сними эту глупость и повесь, как заведено, тюль. Ну, и темно-зеленые портьеры. Короткие, чтоб, когда пол моешь, за швабру не цеплялись. И от солнца спасет, и зелень в дом принесет.

Свекровь уходила. Соня присаживалась на высокий табурет и смотрела в пространство. Научилась этому быстро. Наверное, в соответствии со значением имени. Она помнила, что в Софье живет мудрость, но вперемешку с тихой печалью и нежным женским началом. Печали бы поменьше...

Сын Артемий-Артемка-Артоша родился весной и в ее неполные девятнадцать...

На какое-то время Влад вернулся на сухогрузы «река-море». Другой вакансии не было. Длиннющие, по сравнению с прошлым, чуть модифицированные баржи. По всем углам пакеты-инструкции для тех, кто решил сделать своим вторым домом эту железную машину.

Намертво врезалось: сухогруз – это перевозка генеральных, сыпучих, навалочных, лесных грузов, а также грузов в контейнерах. Царапнули память «наволочные грузы». Оказалось – это те, что не требуют тары. В общем, они насыпаются. А он-то, знавший волок и волокушу из рассказов деда и по собственному опыту зимней заготовки камыша, думал, что в трюмы корабля придется «волочить» эти грузы чуть ли не всей командой... Нет, на этот раз волоком волочить и связывать одной цепью пришлось другое: его собственный мозг и тело.

Они шли по Дунаю вверх. Туда, где заканчиваются земли его разлюляй-страны. Шли медленно, Влад стоял на узкой палубе надстройки и разглядывал окрестности. Осень, наверное, последний или предпоследний рейс. Чуть моросило, и всплывало слово «мжичка»: не дождь, не изморось и не роса, а так – нечто мокрое и неопределенное. Но – пеленой. Эта самая мжичка предельно соответствовала его внутреннему расположению и объясняла его сегодняшний настрой.

Проплыл чем-то знакомый кусок берега. Владислав припомнил: это же здесь бежал к воде глупыш жеребенок, чтоб посмотреть, как плывет по реке железное чудо. Вспомнив эту картинку и свою радость от того, что лошадиный детеныш вернулся к родным живым и здоровым, Влад вдруг подумал: «А лучше б поломался...». И представил, как, дергаясь изо всех сил в топком бучиле и тонко-пронзительно вереща, тянет этот глупыш шею к родным, которые не знают, куда деваться. И тут тебе гривка, которая так и не станет гривой, тут и хвостик, который так и не станет хвостом. А еще и сердечко, которое, наверное, лопнет от боли, когда он поймет: вожак уводит табун, чтоб не видеть, как погибает их юный сородич. Трудно и тяжело потянется за ним и кобылица-мать. А как же – вожак велел, нужно подчиняться... Владислав вздрогнул и отшатнулся. От невысоких перил? От себя? Но вдруг понял: эта, только что выстроенная картина приносит ему какое-то утробное злорадство. «А что, – подумал он, – ломают всех, надо только уметь вернуться».

Он уворачивался. Как в самом обыкновенном бытовом, так и в мучительном общем. Вскрики горлопанствующих агитаторов о «демократическом выборе» в большие и малые советы, а потом и в президенты он воспринимал только скептически – а чего не покричать, если деньги платят. Соня пыталась возражать:

– Влад, давай пойдём на собрание, вот и прояснится, кто за что...

– Так и осталась ты, Сонька, дурочкой. Кто теперь по правде живет, что ты у них поймаешь, за все уплачено.

– Но нельзя же все укрывать черным...

– «Белым» осталось только в церкви, Сонь. И то, если веришь. Как говорила бабушка, – навсегда и безоглядно. А наши вон и тут чубарятся, и тут им власти не хватает: патриархат Московский, патриархат Киевский...

– Владик, но жизнь в любое время черно-белая, пусть наша белая полоса будет пошире. А, Влад?

– В общем так, Соня: делаем еще одного ребенка и не морочь мне голову.

– Владик, дети зачинаются в любви и под звездами, которые светят двоим...

– Вот об этом не надо. Не надо, Сонь, это – только в твоих книжках.

Артемка подрастал. Он был Сонькиным клоном и с таким же отстраненным взглядом больших глаз. Как будто смотрел внутрь себя и все присматривался: а может, там травки-цветочки растут, а может, там птички на ветках поют? Отец его не жаловал и на качелях не катал. Мама Соня рвалась между большим домом и огородом. А вот с цветами они разговаривали вместе.

– Смотри, Артоша, как львиный зев открывает ротик, смотри...

– Мама, а вон там в ротик лезет какой-то мух-козява...

– Тоша, это шмель, а не «мух» и не «козява».

– А что он там делает?

– Пыльцу собирает, нектар сосет. Нектар сладкий....

– Как конфетка?

– Да, сынок, как леденец.

– А где же фантик?

– Какой «фантик»?

– Ну, бумажка от конфетки.

– О Господи, сынок, «в бумажках» только в магазине, в природе по-другому.

– А где лучше?

И тут же:

– Ой, смотри, шмель гудит и сердится. И все равно лезет льву в ротик. Разве он там поместится? А цветку не больно?

Однажды Владислав прислушался к этим разговорам и отчитал жену:

– Ты парня растишь или слюнтя? Ему драться нужно учиться, а не шмелям в попу заглядывать.

Оглянувшись, она тихо спросила: «Что ж нам цветник вытоптать?». Подумав, продолжила: «Ты же мне дарил цветы». Трудно сглотнув, добавила: «Перед свадьбой...»

«Теперь я женат», – парировал Владислав. И тоже, но очень веско, добавил: «Вот будет девчонка, ее и будешь портить».

К жене он почти ничего не чувствовал. Целовал ее разве что в самые потаенные минуты. Но так заведено, должен быть дом и хозяйка в нем. Сначала в его жизни хозяйкой была мать, теперь его дом ведет Соня. Та была властная, эта – безотказная и, как обещали, покорная. Но однажды, приглядевшись, подумал: «Бросит она меня».

Вспоминал ли он Иру? Да, она сидела в нем как в котле с закрытой крышкой. Иногда крышка начинала позвякивать, видать, «внутренний пар» хотел вырваться наружу. И тогда какая-то часть Владислава начинала своевольничать. Всплывали вроде бы и совсем забытые картинки. Цыплята, похожие на одуванчики, полуобсохший «пегашка» с клювиком на мордашке. Ира, уткнувшись лицом в радиатор, а за окном веселое весеннее небо и радостное солнце. А еще дунайский неоглядный простор, когда не просто вода, а широченная река жизни несла их куда-то. Он выгребал из какого-то ерика, а она, свесившись с лодки, все хотела вытащить из воды длинный стебель водяной лилии. И был этот лотос несказанно красив.

Он уже знал, что ребенок был их с Ирой, а не чей-то еще, и зачат он был действительно под звездами. В каком-то счастливом полубезумьи. Когда одуряюще пахнут южные травы, а июльское небо – хоть дотянись. Тогда им казалось, что они вместе и навсегда. Теперь по-другому: порознь и каждый в своем углу. Однажды он столкнулся с ее мамой. Не успел вернуться и, не выдержав, спросил, где Ирина. Женщина зло взглянула на него и ответила: «Нигде, «на широких московских просторах» – вот где». Влад так и не понял, о чем речь: то ли, уходя от ответа, тетка процитировала кусок советской песни, которую в прежние годы распевали в любом застолье, то ли Ира затерялась так далеко, что и не достанешь... А реакция на реплику вдруг выплыло: «Обрюхатил и никому больше не понадобилась». Устыдиться и одернуть себя не захотел. Зачем?

Он сошел на берег, теперь уже окончательно, когда удостоверился: работой и мелкой контрабандой скопил более или менее достаточно. Да и с нужными людьми не рассорился – если что, утонуть не дадут. «Надо ухаживать, – думал Влад, – пока на крюк не сел». Решил так еще и потому, что следующий этап его послужного списка был связан со знанием английского языка (плавали-то на чужих кораблях и под чужим флагом). Язык учить не хотел. А тут еще и родня не во время присоветовала: «Поговори насчет уроков с Валентиной Ивановной, она иняз окончила, ее уроки хвалят». Влад ответил резко и так, чтоб не заподозрили в никчемности: «Еще чего, сам выучу».

Он достраивал и что-то непрерывно пристраивал. Добротно, уродливо и, скорее всего, потому, что перешершние «забуревшие» тоже обнесли себя заборами и влезли не в дома, а в домины. «Как странно, – как-то подумал Владислав, – домины – почти что домовины, а никто из новых застройщиков на это и не оглянулся...». А насчет новомодных заборов, так Влад тоже не удержался. Возвел. Да не просто, а на цоколе. Аляповатый, тяжеловесный, названный «европейским», но к Европе не имевший никакого отношения. А еще купил машину. Тужился, надувался, отдавал деньги за кредит. Нередко в прямом смысле «отбивал» и проценты, и стартовую сумму. Соня на практике осознала, что значит слово «сутужно» на местном наречии, сын Артемка и маленькая Анечка бледнели и хирели, но выпросить у Влада «на малоко-на мясо» у нее получалось далеко не всегда.

Теперь Влад восседал за столом властно и неразговорчиво. «Как папаша Горио», – подумала однажды Соня, и этим именем-кличкой объяснила себе все. Его твердокаменную уверенность. Его откровенную жадность. Его равнодушие к детям: «Ну не пожалел же собственную дочь папаша Горио и погубил ее...». Только вот не хотелось помнить еще и о том, как в холодной спальне умирала жена Горио, а он скупился потратиться на дрова. Она уже понимала, что, случись с ней, теперешней Софьей, болезнь, а тем более, что-то из ряда вон, муж пройдет мимо. Еще и колкостью прибьет: «Ну что, совсем невмочь?.. И зачем я на тебе женился?..». Он забыл, что живет в доме, подаренном ему родителями Сони, очень небогатыми людьми. Они знали, что в сегодняшнем подлом раздразе молодые очень не скоро найдут средства и силы на свое жилье. И радовались, что могут сделать такой подарок. По-настоящему значимый. Это был дом, отданный с открытым сердцем...

– Владик, а почему ты не хочешь, чтобы мои родители пришли поздравить нас с Новым годом?

– Да потому, что не хочу!

– Но я же не против визитов твоей мамы...

– Еще бы ты была против. Мать – не теща и, в общем, я сказал – нет.

– Владик, но ведь это еще и бабушка с дедушкой наших детей, они готовятся...

– Вот придут дети к ним на Рождество Христа славить, тогда пусть и дарят.

– Но праздников много, почему же мы не можем их пригласить и принять?

– Сонь, помолчи, я сказал...

Она молчала и, крадучись, на второй-третий день Нового года шла с детьми к родителям. На Святки – также. В блинную неделю – как бы нечаянно и заранее трепеща.

Владислав понимал, что он не прав. Но в нем сидел Некто, который самоутверждался вот так – разрушая. Этот товарищ все чаще не только поднимал, но и задира голову, и тогда Владислав отказывался понимать поджарого мальчишку Владика, который все искал себя на речном приволье. В своем новом времени Влад предпочитал другое: иметь дом за забором, машину с перебитыми номерами и вспоминать, как зачерпывал из литровой банки черную икру. Правда, о том, как пользовала его путана Марья, Владислав старался не помнить, – в том оркестре не он был первой скрипкой.

Теперь, помимо купли и перепродажи явно ворованной рыбы ценных сортов, он зарабатывал еще извозом. Пользовался тем, что в их городе якобы за ненадобностью уничтожили юридическую и, главное, медицинскую службы. Разместив объявление в интернете – «отвезу двух-трех желающих в райцентр и облцентр за умеренную плату, заявки по адресу...», – он ставил машину у черты города и, картинно опираясь о ствол огромного тополя, поджидал пассажиров. Случалось и непредвиденное – например, роженица или больной, которому был срочно нужен хирург. И вот тут Влад был непреклонен. «Двойная цена», – заявлял он. Люди смотрели на него испуганно и с отчаянием, но знали: его с места не сдвинешь. Однажды кто-то из страждущих, едва шевеля губами от боли, сказал: «Лучше умереть здесь». «Умирай, – жестко ответил Влад, – вон и кладбище рядом». Сел в машину, развернулся и уехал. Домой. Чтоб тучей застит и это пространство.

Соня пела в церковном хоре. От бессловесности и какой-то неуходящей муки как-то зачастила к вечерней службе. Потом, испросив благословения у священника, стала прихожанкой храма и певчей на клиросе. Научилась церковнославянскому, этот язык прорастал в ней как крепкое корневище, которое связывает с прошлым и не дает упасть в настоящем. Теперь, зная многие молитвы, она особенно бережно высоким голосом выводила мелодию песнопения, которое называли «Символом веры». В словах о том, как веруют в «Духа Святого, Господа Животворящего, Иже от Отца исходящего», кроткая Софья ловила отголоски той великой Любви, Почитания и Гармонии, которые давала силы многим. И тем, кто уже давно растворился в вечном пространстве, и тем, кто продолжает жить на земле.

Влад? Как-то, взглянув на мужа, похожего на объемного Ионыча, она подумала: «Скоро и слово «Третьяк» станет табу, Владиславы теперь нужны другие...». Два тяжеловесных «пьедестала» – Владик и его мать, сотворенные неталантливым каменотесом – жили в ее подворье. И мухи-падальщицы с изумрудно-зеленым брюшком, жужжащие и жирные, отсиживались на них.